

АЛЕКСАНДР Сергеевич Пушкин был и остается спутником моей жизни. Он был со мной всегда, все долгие годы, что я живу на земле; пожалуй, еще прежде того, как я научилась читать. Однажды я видела его во сне. Это было так удивительно, что поутру я позвонила Ане Андреевне Ахматовой и сказала:

— Сегодня я видела во сне Пушкина.

— Еду, — коротко отозвалась Ахматова и положила трубку.

Вскоре Анна Андреевна сидела подле меня в кресле и, слегка пригнувшись вперед, внимательно слушала.

...Мне снилось, что Александр Сергеевич в крылатке и цилиндре шел то ли по Тверской, то ли по Новинскому бульвару. Он уходил от меня, и я видела его только со спины. Но я знала, что это — Пушкин. Он ступал легко, поигрывая на ходу знаменитой тяжелой тростью. И когда я поняла, что через секунду Пушкин уйдет и я так никогда и не увижу его лица, я окликнула: «Александр Сергеевич!»

Пушкин обернулся, я увидела его светлые глаза, вышедшие русые волосы его бакенбард, и Пушкин вдруг улыбнулся мне своей белозубой африканской улыбкой.

И — исчез...

Ахматова долго молчала. Потом сказала:

— Какая вы счастливая! А я никогда не видела Пушкина во сне.

Я смотрела на нее и думала о том, что мне завидует великая поэтесса, написавшая о Пушкине гениальные строки:

И было сердцу ничего не надо.
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облоно, стояла надо мной.
Она, написавшая стихи, до-

стойные своего великого предшественника, никогда не видела его во сне. А я — видела. Какая несправедливость!..

Итак, сколько себя помню, я всегда спешила найти и прочитать все, что было связано с Пушкиным, с его временем и бытом, с его друзьями и его врагами, в таком изобилии окружавшими поэта. Я бесцельно читала и перечитывала стихи Пушкина; изучала тщательно прокомментированные черновики, письма и дневники; рассматривала рисунки. Я знакомилась с мемуарами и исследо-

какой-то сердечной и доверительной тональности я почувствовала, что сейчас услышу о Пушкине и о его друге что-то новое, чего я так долго ждала!

И я услышала, хотя хочу сразу же отметить, что новое это заключалось вовсе не в новизне каких-либо отдельных компонентов, потому что Адошкин читал известные стихи и отрывки из воспоминаний современников, знакомые письма самого Кюхельбекера. Новизна заключалась в той форме, в которую было воплощено это известное; в

дача посвящена Одоевскому, я подумала, что речь пойдет о друге Пушкина — князе Владимире Федоровиче Одоевском, известном писателе и журналисте, музыкальном и литературном критике. Однако оказалось, что это не так. На этот раз Анатолий Адошкин обратился к судьбе Александра Ивановича Одоевского, корнета лейб-гвардии конного полка, известного декабриста — члена Северного общества, друга А. Грибоедова и К. Рылеева; к судьбе того самого Одоевского, который ни разу в жизни не

тором он ведет рассказ. Помоему, Адошкин и не стремится к этому. Гораздо важнее, что Адошкин передает свое, авторское отношение к избранному герою, и отношение это столь эмоционально, что зритель невольно заражается им. Не зря Анатолий Адошкин во всех своих передачах выступает не только как их единственный исполнитель, но и как их автор, и, должно быть, именно поэтому зритель проникается влюбленностью Адошкина в своих героев и, вслушиваясь, становится как бы соучастником сочинения стихов, присутствуя при великом таинстве их рождения.

Александр Одоевский прожил короткую, но яркую жизнь, до предела насыщенную борьбой с царским самовластьем и любовью к друзьям. И еще — стихами, которые поэт почти никогда не

встречался с Александром Сергеевичем, но перу которого принадлежат пророческие слова ответа на послание Пушкина в Сибирь:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Разумеется, надо было приветствовать то, что Адошкин, расширяя свой творческий поиск, обратился к теме декабристов, к теме глубокой и благородной, всегда волнующей нашего зрителя; но признаюсь, что в первую минуту я ощутила не то чтобы разочарование, но, пожалуй, настороженность, расценивая новую работу Адошкина, как «измену» моей теме.

Впрочем, настороженность эта развеялась в прах после первых же слов, услышанных мною с экрана телевизора.

Мне кажется: то, что делает Адошкин, не есть чисто актерское перевоплощение в образ того человека, о ко-

какой-то особо выразительной манере исполнения; в принципиальном новаторстве самой передачи, призванной включить интерес сегодняшнего зрителя в жизнь одного из ближайших друзей Пушкина, вызвать сопереживание с судьбой Вильгельма Кюхельбекера, боль за его трагическую жизнь.

В мои намерения не входит рецензирование этой передачи, а также оценка последующих работ Анатолия Адошкина, посвященных Дельвигу и Пушкину. На эти талантливые моноспектакли, кстати сказать, оперативно повторенные по первой программе, пресса откликнулась широко и достаточно доброжелательно.

Я решилась написать эти заметки, чтобы высказать мнение о последней работе Адошкина «Мой милый Саша», которая, несмотря на не самое лучшее, на мой взгляд, название, представлял значительный интерес множеством своих достоинств, как познавательных, так и художественных.

Поначалу, узнав, что пере-

ЭХО ПРЕМЬЕРЫ

записывал, а чаще всего, импровизируя, читал вслух друзьям, с чьих слов они и были позже напечатаны.

И эту импровизационную манеру чтения стихов (а Адошкин, как всегда, читает великолепно), и страстную быстротечность жизни Александра Одоевского, и его душевную щедрость, и его лукавый юмор — все это артист передает превосходно.

Возможно, слишком смело называть жанр, в котором работает Анатолий Адошкин, открытием, но для меня, чья жизнь, как я уже упоминала, пронизана любовью к Пушкину и его друзьям, цикл работ Анатолия Адошкина на телевидении стал подлинным художественным открытием.

Фаина РАНЕВСКАЯ,
народная артистка СССР

ТОЛЬКО ОДНА НОЧЬ

ВРЕМЯ действия — сегодня. Об этом свидетельствуют не только внешние приметы: одежда и прически, цветные «Жигули» у деревенских домов, афиша сельского клуба. Самые актуальные вопросы заложены в существо внутренних конфликтов, которые движут действие нового телевизионного фильма «Ночь председателя».

Председатель колхоза Павел Сухоруков неутомимо деятельен, предан делу, мобилен, бескорыстен. Посети-

складе человека, который должен жить и действовать сегодня — не позавчера и даже не вчера. Не слишком ли большую власть над нашей действительностью имеет прошлое, пусть и славное, и незабываемое?

...Павел Сухоруков стоит перед стендом «Наши ветераны». На одной из фотографий — он сам: темная шевелюра, брови вразлет, взгляд решителен и тверд. Таким он вернулся с войны в родные места. Брат Петр решил свою судьбу по-иному: уехал в город, теперь руководит цехом на крупном предприятии. Именно Петр и вступает в спор с братом, он-то и раскрывает уязвимость его позиции: ведь нельзя одному заменить всех. «Тащить всех» — еще вчера, может быть, это было заслугой. Сегодня это — слабость руководителя.

Полтора десятилетия назад вышел в свет фильм «Председатель». Можно ли забыть Михаила Ульянова в роли Егора Трубникова — самозабвенного, в одиночку поднимавшего разоренный дотла колхоз? Но для того и не щадил себя Трубников, чтобы председатель колхоза наших дней трудился в совсем иных условиях. Сейчас нет необходимости в одиночку валить вековой лес или, как говорит Павлу Сухорукову его брат, в одиночку закрывать амбразуру. «Незаменимость» перестала быть положительным качеством руководителя теперь, когда отлаженный механизм каждого хозяйства дол-

жны, могут и хотят приводить в действие специалисты, способные раскрыть собственные творческие возможности и не нуждающиеся в том, чтобы их «тащили».

Это свойство Павла Сухорукова проявляется не только в деле. Ему, например, вовсе не кажется сложной драма, развернувшаяся в семье его сына. А между тем автор картины не склонен и ее рассматривать однозначно; в финале к этому же приходит и Сухоруков.

События одной ночи, когда произошел решающий разговор с братом, когда родился внук, когда Сухоруков проник наконец в суть отношений сына с двумя любящими его женщинами, внесли изменения в его характер. Он словно оглянулся назад, пересмотрел свою биографию. И в новом свете предстала ему и собственная жизнь, и жизнь его близких. Потому он решился на совсем, кажется, отчаянный поступок: предложил стать его женой Серафиме, женщине, которая любила его всю жизнь. Эта сцена, одна из самых лиричных в фильме, рисует обаятельный облик еще одного человека того же поколения, к которому принадлежит герой. В мягком исполнении А. Матвеевой, актрисы, открывшей в этой роли новые грани своего дарования, Серафима обладает особым даром чуткости и понимания людей — как раз теми качествами, которых не хватает Павлу, и недаром к ней невольно тянутся люди, и сын Павла, и Лида, его возлюбленная.

Фильм «Ночь председателя», фильм по видимости камерный, скромный по тону, не претендующий на окончательные выводы и обобщения, поднимает важные вопросы сегодняшнего дня.

Мария ВАСИЛЬЕВА